

М. Ю. Вахтина

ОБ УСТРОЙСТВЕ КАМЕННОЙ ГРОБНИЦЫ В КУРГАНЕ КАРАГОДЕУАШХ

Статья посвящена особенностям планировки каменной гробницы, открытой в 1888 г. в кургане Карагодеуашх в Прикубанье. В устройстве гробницы, как и в ее вещевом комплексе, нашли отражение основные «векторы» контактов элиты Боспора и тесно связанной с ней варварской аристократии.

Ключевые слова: курган Карагодеуашх, гробница, погребальный инвентарь, греки, варвары, культурные контакты.

Курган Карагодеуашх в Прикубанье (современный г. Крымск, Краснодарский край) был исследован в 1888 г. Е. Д. Фелицыным. Обнаруженная под его насыпью гробница, содержащая мужское и женское захоронения, относится к замечательным памятникам туземного населения Северного Причерноморья скифской эпохи. Обычно ее интерпретируют как «богатое» погребение представителей синдо-меотской аристократии. В отличие от многих захоронений региона, гробница Карагодеуашха была обнаружена неразграбленной. Вещевой комплекс ее датируется в пределах 340—315 гг. до н. э. Таким образом, Карагодеуашх принадлежит к той же хронологической группе, что и Чертомлык (центральное погребение), Куль-Оба, Огуз, Мелитопольский курган, Козел и некоторые другие элитные курганы региона (Алексеев 2003, с. 277).

Памятник был издан в 1894 г. А. С. Лаппо-Данилевским и В. К. Мальмбергом на основе отчета о раскопках (Фелицын 1886), хранящегося в Научном архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. До сих пор эта монография остается единственным исследованием, где конструкция гробницы Карагодеуашха и найденные в ней вещи рассмотрены подробно, хотя отде-

льные предметы из этого комплекса прекрасно известны исследователям.

На момент раскопок высота кургана достигала 10,5 м, диаметр основания его насыпи — 204,5 м. Под насыпью была обнаружена каменная гробница, состоящая из трех погребальных камер, расположенных по линии запад—восток, и «галереи» (рис. 1). Гробница размещалась в западной части насыпи, причем женская погребальная камера, несколько уступавшая по размерам всем остальным, занимала крайнее западное положение. Вход в эту камеру, имевший арочное завершение, был оформлен несколько иначе, по сравнению с входами в другие помещения (в остальных случаях входные отверстия имели прямоугольную форму). Общая длина гробницы составляла около 62 м. Полы всех помещений располагались на одном уровне, что позволило предположить, что гробница была возведена единовременно. Вход находился с западной стороны, все помещения были соединены проходами. Стены гробницы были оштукатурены и раскрашены: сохранились упоминания об остатках росписи и кусках цветной штукатурки, которые были найдены во внутренних помещениях. К сожалению, в целом осталось неясным, какого характера была роспись.

Форма гробницы, состоящей из четырех общающихся помещений, заслуживает особого внимания. Такое устройство не находит никаких параллелей в туземном мире Северного Причерноморья позднеклассического и эллинистического времени. Сложно, например, связать планировку подкурганного склепа Карагодеуашха с традицией Семибратних курганов или же классических «царских» скифских гробниц. Для аристократических усыпальниц

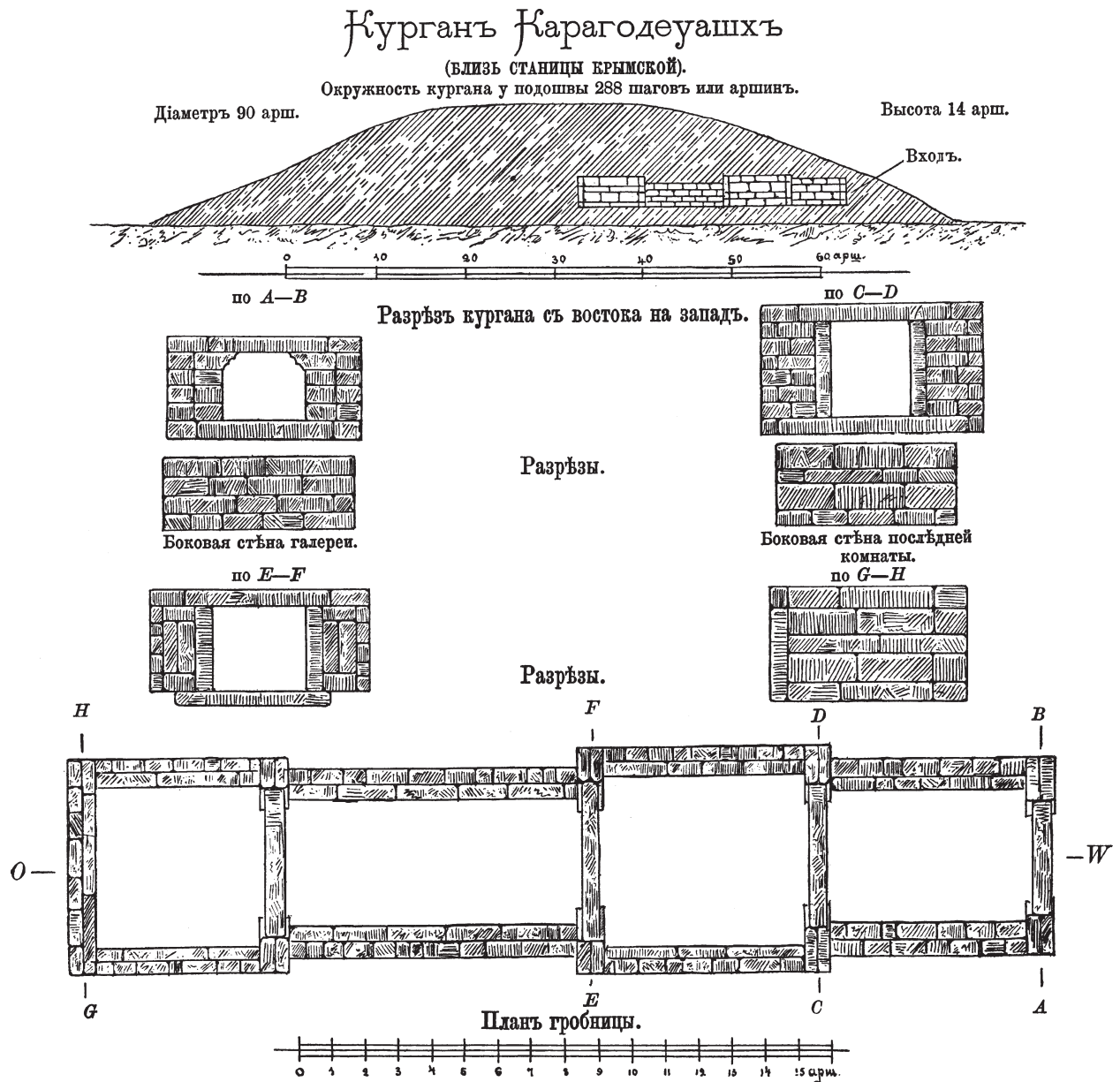

Рис. 1. Курган Карагодеуашх (по Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894)

Боспора IV в. до н. э. такое устройство также в целом не характерно, хотя отдельные случаи погребальных сооружений, где как бы «намеченъ» дополнительные помещения, здесь зафиксированы. Так, Ю. А. Виноградов отметил возможное присутствие таких помещений в конструкции Золотого кургана в некрополе Юз-Оба (Виноградов 2017, с. 157). Ближайшие параллели гробнице Карагодеуашха можно найти в более западных регионах, прежде всего, на территории древней Фракии. Тип подкурганной гробницы, имевшей сложную планировку, был распространен здесь во второй половине IV—III вв. до н. э. (Rousseva 2000, р. 45—51). По типологии болгарской исследовательницы Ю. Валевой, разработанной для погребальных сооружений фракийской аристократии, гробницу Карагодеуашха, состоящую из соединенных между собой помещений, можно отнести к

анфиладному типу; она близка анфиладным гробницам, имевшим прямоугольную форму помещений (тип IABVD-E) (Вълева 2013, с. 39). В качестве наиболее близких параллелей гробнице в кургане Карагодеуашх можно привести, например, гробницы в курганах Маглиж (Вълева 2013, рис. 19), Попова Могила, Большая Косматка (Китов 2005, с. 39, рис. 47; с. 69, рис. 101) на территории современной Болгарии (рис. 2). В IV в. до н. э. стены таких гробниц часто расписывались, как, например, стены гробниц в Калояново и Маглиже (Вълева 1999, с. 70—71). Полагают, что эта черта, как и другие особенности конструкции, планировки, технические приемы, используемые при возведении, сближают гробницы фракийской элиты с аристократическими погребениями Греции (Вълева 1999, с. 71—72; Кисъев 2005, с. 112). Известно, что стены гробницы в Кара-

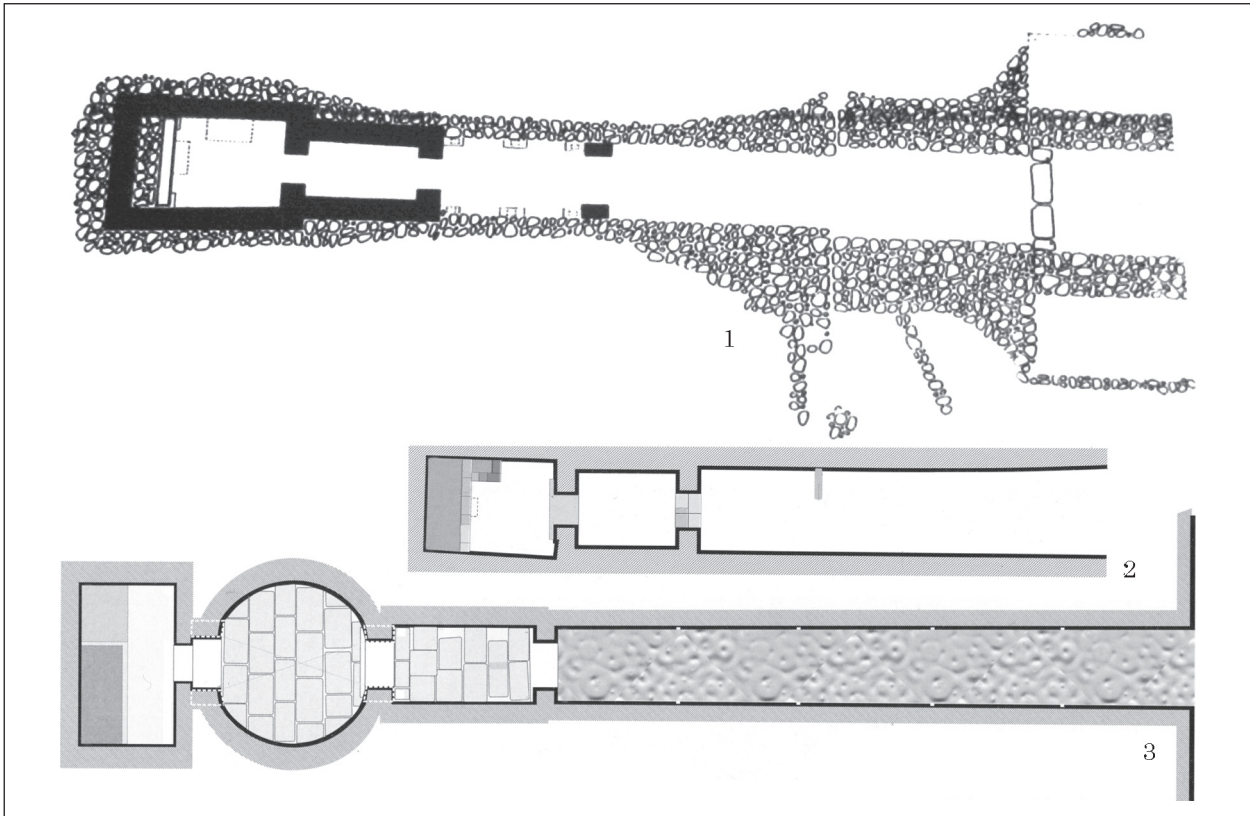

Рис. 2. Схематические планы склепов фракийских гробниц: 1 — Маглиж (по Вьлева 2013); 2 — Попова Могила (по Китов 2005); 3 — Большая Косматка (по Китов 2005)

годеуашке также были оштукатурены и имели роспись. На момент раскопок лучше всего она сохранилась на стенах «галереи» — третьей от входа камеры, где были обнаружены «... следы фрескового орнамента, которым в виде бордюра, полосами отверху до низу, были обведены верхние и нижние края стен и наружные поверхности дверей. На правой стороне, немедленно вслед за производством раскопок, можно было еще увидеть изображение пасущегося оленя с большими ветвистыми рогами и опущенной головой» (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, с. 9). Есть основания предполагать, что склеп Золотого кургана, упомянутый выше, также был оштукатурен и раскрашен: покрытие стен, вероятно, имело красный цвет, а покрытие купола — синий, имитирующий цвет небесного свода (Виноградов 2017, с. 157).

М. Ю. Трейстер в свое время обратил внимание на ряд вещей из Карагодеуашха, отражающих связи с западным, фрако-македонским миром (Трейстер 2002). К таким предметам он отнес серебряные и бронзовые сосуды и их фрагменты, обнаруженные в мужской и женской погребальных камерах, а также золотые пластинчатые браслеты и подвески «типа Кимь» из женского захоронения (Трейстер 2002, с. 180—183). Конечно, самой выразительной находкой из кургана Карагодеуашх, свидетельствующей о контактах между Северной Грецией и Северным Причерноморьем в IV в.

до н. э. остается фрагментированная обкладка горита (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, табл. IX; Jacobson 1995, p. 228—230) изготовленная в тех же матрицах, что и золотая обкладка горита, найденная в Вергине, в гробнице, предположительно принадлежавшей Филиппу II (Andronicos 1984, p. 180—186, fig. 146—149). Традиционно полагают, что такие обкладки изготавливали в мастерских Боспора. М. Андроникос считает, что обкладка горита была изготовлена на Боспоре и могла попасть в Македонию как военный трофей после поражения, нанесенного в 339 г. до н. э. в Добрудже войском Филиппа II армии скифского царя Атея (1984, p. 186). М. Ю. Трейстер, напротив, предположил, что обкладка горита, найденная в Каагодеуашхе, могла быть изготовлена в македонской мастерской и, «будучи частью дара, включающего металлические сосуды и ювелирные изделия, попала к одному из царей племен, проживавших на границах Боспора, предположительно, царю племени фатеев» (Трейстер 2002, с. 184). Добавим, что, на наш взгляд, вполне возможен и иной вариант развития событий: обкладка парадного горита, обнаруженная в гробнице в Вергине, могла попасть в Македонию и как дипломатический дар правителей Боспорского государства. Упомянутые же выше металлические сосуды и украшения, обнаруженные в Карагодеуашхе, отражающие «фрако-македонский» вектор кон-

тактов Боспора, были доставлены в Причерноморье «независимо» от нее.

Это важнейшее направление культурных связей Боспора последней трети IV в. до н. э. нашло отражение и в памятниках элиты этого уникального государственного образования. Так, например, дворец Спартокидов в Пантикапее, который начал возводиться при Перисаде I (349/348—311/310 гг. до н. э.), принадлежал к типу дворцовых построек, широко распространенному в эллинистическом мире и восходящего к македонской традиции (Толстикова 2017, с. 79—82, рис. 56). Общеизвестно, что культура аристократической верхушки варварских племен Азиатского Боспора во второй половине IV в. до н. э. поддерживала тесную связь с греческими центрами региона. Варварская элита получала от греков не только предметы роскоши (в изобилии представленные как в гробнице Карагодеуашха, так и в других погребальных памятниках региона), но и, вероятно, воспринимала достаточно широкий спектр «античных» импульсов. Основные «векторы контактов» Боспора эллинистического времени, по-видимому, нашли отражение не только в вещевом комплексе, но и в конструкции склепа в кургане Карагодеуашх, для возведения которого, скорее всего, был приглашен боспорский архитектор.

Возвращаясь к планировке этой гробницы, напомним, что она состояла из четырех помещений. Вход в гробницу вел с запада, западная камера содержала женское захоронение. Вторая камера, отличавшаяся «более тщательной архитектурной отделкой, чем первая» (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, с. 9), была гораздо беднее находками — лишь у входа в нее были обнаружены обломки амфоры. В третьем помещении, которое называют галереей, у левой боковой стены были найдены лошадиные кости, железные и бронзовые детали конской упряжи. Последнее, восточное помещение, содержало погребение мужчины.

Рассматривая планировку гробницы, содержащей погребения «царя» и «царицы», можно высказать предположение о том, что ее сакральное пространство могло мыслиться состоящим из двух частей или зон. Западная часть (две первые камеры) могли принадлежать «женскому» пространству склепа, а восточная (две последние камеры) — «мужскому». Тогда условная граница между этими двумя зонами может быть проведена по линии E—F на плане (рис. 1). Крайние западное и восточное помещения склепа, содержавшие погребения, были отделены камерами, которые условно можно назвать дромосами («женским» и «мужским»), примыкавшими друг к другу (Шауб 2017, с. 315). О принадлежности помещения перед мужской гробницей к погребению «царя», вероятно, свидетельствует также обнаруженное там захоронение коня (или коней).

Как известно, кости нескольких лошадей и остатки колесницы были найдены в первом, самом западном помещении гробницы, содержавшем женское захоронение. Согласно данным, приведенным в обобщающей работе С. С. Бессоновой, посвященной находкам погребальных повозок в курганах Северного Причерноморья скифской эпохи, в большинстве известных случаев повозки были зафиксированы вне погребений, в ямах в насыпи курганов, или же во входных ямах перед входом в дромос (Бессонова 1982, с. 105—106). В Прикубанских курганах остатки повозок были обнаружены на древнем горизонте у края могильной ямы, в дромосе склепа, на уступе могильной ямы (Там же, с. 107). Похоже, помещение колесницы с лошадьми в единое пространство с человеческим захоронением, как это было сделано в кургане Карагодеуашх, является достаточно редким, а, возможно, и единичным случаем. Казалось бы, особенно если мы вспомним о крайне немногочисленном инвентаре следующего, примыкавшего к первому, помещения, представленному обломками амфоры, в гробнице было достаточно места для того, чтобы расположить погребальную повозку. Вероятно, то, что ее поместили непосредственно в помещении, содержавшем захоронение «царицы», диктовалось требованиями сложного погребального ритуала, о котором мы можем судить лишь гипотетически.

Возможно, какие-то элементы этого ритуала отражены в системе декора треугольной пластины, некогда украшавшей головной убор погребенной женщины (рис. 3). В круге изделий т. н. греко-скифской тореvтики, в композиции которых присутствуют женские изображения, эта вещь является самой сложной композиционно (и, вероятно, семантически). Наиболее подробный анализ системы декора на пластине из Карагодеуашха был предложен в монографии С. С. Бессоновой (1983, с. 106—111), хотя, конечно, вещь эта неизменно привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей¹. Ученые часто обращали внимание на «дублирование» некоторых элементов, представленных в сценах на пластине, и инвентаре женского погребения. Так, женщина, представленная на нижнем фризе пластины, имеет головной убор, подобный тому, который был на погребенной «царице». Обращают внимание и на колесницу на среднем фризе пластины.

Изображения на ней, как и на многих других предметах греко-скифской тореvтики, помещены в трех поясах, очевидно, отражающих представления о трех зонах мироздания, существо-

1. Приведем здесь лишь некоторые работы: Ростовцев 1913, с. 9—16; Артамонов 1961, с. 59—60; Манцевич 1964; Савостина 1995; Ustinova 1999, p. 123—128; Вахтина 2009; Шауб 2007, с. 84—85; 100—101; 2017, с. 312—314.

Рис. 3. Золотая треугольная пластина из женского погребения (с негатива ФО НА ИИМК РАН № 0 1525-38)

вавшие в идеологии скифского мира, которые часто воплощались в троичных структурах (Мачинский 1978 с. 240; Бессонова 1983, с. 108; Раевский 1985, с. 190). Композиция нижнего фриза, вероятно, была самой значимой в систе-

ме декора (Бессонова 1983, с. 109). Не ставя перед собой задачу подробного анализа системы изображений, украшавших пластину, отметим, что нам близки представления А. П. Манцевич и Е. А. Савостиной, видевших в фигурах верхнего и среднего фризов изображения женщин. Вполне возможно, что на всех трех фризах пластины изображена одна и та же женщина.

Женщина на нижнем фризе, восседает в центре композиции. Она одета в «скифские» одежды — на голове у нее остроконечный головной убор и покрывало. Венчает этот убор треугольная пластина, аналогичная той, которая была обнаружена в погребении. Вполне вероятно, что на похороненной здесь женщине был наряд, подобный тому, в который облачено женское божество на нижнем фризе. На изображенной пластине можно разглядеть рельефные выступы и полосы; возможно, она также мыслилась покрытой каким-то декором. Женщина неподвижно восседает в центре композиции, в кругу персонажей, явно занимающих по отношению к ней подчиненное положение.

Ритуальный характер сцен, изображенных на пластине, никогда не вызывал сомнения у исследователей. М. И. Ростовцев видел в композиции нижнего фриза сцену адорации или же вручения богиней власти молодому скифскому «царю», державшему в руках ритон (1913, с. 14—15). Эта трактовка позже нашла поддержку и у других ученых (Артамонов 1961, с. 64; Блаватский 1964, с. 29). А. П. Манцевич, сравнивая изображения на пластине с настенной росписью гробницы III в. до н. э. в Казанлыке, пришла к заключению, что сцена на нижнем фризе представляет собой погребальную трапезу умерших, а все изображения соотносятся с идеей апофеоза умершего (1964, с. 135—138). С. С. Бессонова, полагала, что мужские персонажи нижнего фриза сопоставимы с греческими Диоскурами, а всю сцену считала изображением священного брака (1983, с. 109—110).

Е. А. Савостина подошла к анализу системы изображений с точки зрения представлений о переходе человека в другой мир (и иное состояние) после смерти, существовавших в греческом (добавим, и в туземном) мире и нашедших воплощение на некоторых изобразительных памятниках (1995, с. 115—117). Эта гипотеза дает возможность связать в единый «рассказ» сцены, представленные на всех трех фризах. Согласно гипотезе Е. А. Савостиной, на верхнем фризе умершая предстает, как бы, в состоянии готовности для перехода в иной мир, сцена на среднем — отражает сам момент перехода, связанный с движением на колеснице. Нижний фриз соотнесен исследовательницей с хтоническим, загробным миром. Сидящая здесь в спокойной, иератической позе женщина изображает умершую в роли богини, занявшей достойное место в своем новом существовании. Отметим, что ее «движение» в мире смерти и преобразование в

«жизни после жизни», возможно, представленные на треугольной пластине, на наш взгляд, логичнее рассматривать не в последовательности «сверху вниз», а «снизу вверх». При таком подходе сцену на нижнем фризе следует трактовать как «предсмертное» изображение, фигуру же верхнего фриза вполне можно рассматривать как апофеоз умершей. Развитие сюжета «снизу вверх» кажется более логичным, исходя из самой формы вещи — пластина резко сужается в верхней части, имеет как бы форму горы. С. С. Бессонова справедливо отметила, что «сама треугольная форма пластины может означать гору (эквивалент мирового дерева). В различных мифологических системах треугольник символизировал, наряду с тремя космическими зонами, также триаду жизнь — смерть — новая жизнь» (1983, с. 108). То, что на головном уборе погребенной женщины она занимала вертикальное положение, подтверждается как положением вещи в могиле, так и изображением аналогичного (или близкого по типу) убора на голове женщины, восседающей на нижнем фризе. Верхняя фигура, стоящая неподвижно на самом вершине, представляется завершением всей композиции, которая, сужаясь, как бы «сводится» к этому изображению.

Если женские фигуры на верхних фризах носят греческую одежду, то на нижнем фризе женщина / женское божество облачена в «туземный» наряд. Очевидно, в таком или подобном облачении она и была положена в могилу, откуда, возможно, по представлениям, распространенным в туземном обществе, должна была начать движение в «жизнь после смерти».

С одной стороны, высокая степень эллинизации женского погребального комплекса Карагодеуашха, очевидно, отражала вкусы и обычаи местной аристократии. Возможно, похороненная здесь женщина и при жизни обладала греческими украшениями и предметами роскоши. Однако, окружив ее целым рядом таких предметов и после смерти, погребли ее, вероятнее всего, в «национальной» одежде, в головном уборе, подобном изображенному на пластине, и с золотой гривной на шее, свидетельствующей о ее принадлежности к местной элите. Именно в таком облачении она, очевидно, и должна была «пуститьсь в путь». Женский образ, представленный на золотой пластине и женщина, погребенная в кургане явно были близко соотнесены, а, возможно, и сливались в глазах заказчиков вещи в единое целое. По справедливому замечанию Ю. А. Виноградова, женский комплекс Карагодеуашха вполне можно рассматривать как повесть о земном и сакральном пути и назначении женщины в местном обществе.

Как отдаленную аналогию системе изображений на золотой треугольной пластине можно рассматривать композицию, представленную на античной стеле Юлии-Гекаты (рис. 4) из

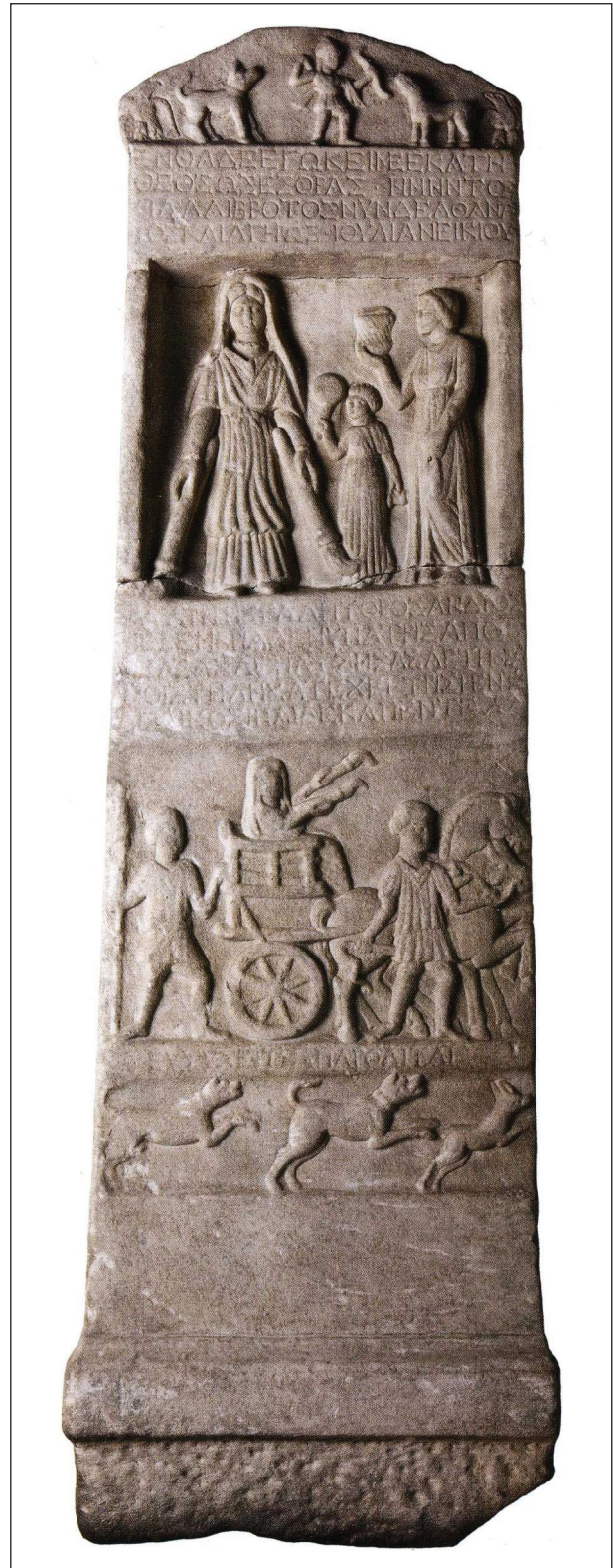

Рис. 4. Надгробие Юлии-Гекаты (по Kiyashkina et al. 2012)

Археологического музея г. Несебр в Болгарии (Kiyashkina et al. 2012, p. 78, no. 41). Памятник относится ко II в. до н. э. Из надписи следует, что стела посвящена Юлии (Гекате в жизни-после-жизни), дочери знатного гражданина Мессамбрии, которая некогда была смертной,

но обрела бессмертие. На одном из фризмов она изображена с двумя факелами, очевидно, готовясь к путешествию-переходу в иной мир, а ниже — совершающей это путешествие на колеснице.

Существует достаточно обоснованное предположение, что фракийские гробницы могли неоднократно использоваться и посещаться для совершения ритуальных действий, связанных с идеями обретения власти, бессмертия, жизни после смерти (см. напр.: Rabadjiev 2016, p. 289—291; Маразов 2007, с. 30 сл.). Как мы пытались показать, устройство склепа в кургане Карагодеуашх демонстрирует близость склепам анфиладного типа, достаточно распространенным в погребальных комплексах фракийской элиты, однако, остается совершенно неясным, можно ли предполагать для него нечто подобное. О круге идей и ритуалов, с ним соотнесенных, мы, конечно, можем судить очень предположительно. Можно, например, отметить, что в комплексе кургана, где достаточно отчетливо «читаются» оппозиции «мужское» — «женское», «восток» — «запад», нашли отражение идеи и представления, присущие многим обществам древности, такие как идея «священного брака» (Виноградов 1993), «жизни после жизни» и многие другие. Вещи, обнаруженные в погребениях, на наш взгляд, безусловно, подразумевали идею «движения к вечной жизни». Исходя из расположения гробницы в западной части кургана, наличия входа с западной ее стороны и других соображений, это движение могло мыслиться только в направлении с востока на запад. Если это допущение справедливо, оно, вероятно, могло бы служить одним из объяснений именно такого распределения «транспортных средств»: коня / коней с упряжью поместили в камеру, примыкавшей с запада к мужской усыпальнице, а погребальную колесницу — в крайней западной камере, рядом с женским погребением. Помещение колесницы и лошадей, предназначавшихся женщине, в соседнюю камеру, примыкавшую с востока, противоречило бы идее движения в западном направлении.

Комплексы погребений Карагодеуашха, яркие и интересные сами по себе, позволяют приближаться к пониманию целого ряда проблем, связанных с культурой эллинизированной варварской элиты Северного Причерноморья. Материалы эти еще не до конца оценены исследователями и, как и многие памятники из раскопок Императорской Археологической Комиссии, ждут полной и полноценной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Артамонов, М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 2, с. 57-87.

Бессонова, С. С. 1982. О скифских повозках. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 102-117.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Блаватский, В. Д. 1964. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э. — III в. н. э.). *Советская археология*, 4, с. 25-35.

Вахтина, М. Ю. 2009. О композиции на золотой треугольной пластине из женского погребения кургана Карагодеуашх. В: Марченко, И. И. (ред.) *Материалы V Кубанской археологической конференции*. Тезисы и доклады. Краснодар, с. 39-43.

Вълева, Ю. 2013. *Типология на Тракейските монументални градени гробници (V—III в. пр. н. е.)*. София: Марс-09.

Виноградов, Ю. А. 1993. О ритонах кургана Карагодеуашх. *Петербургский археологический вестник*, 6, с. 66-71.

Виноградов, Ю. А. 2017. Культура боспорской элиты при Спартокидах. *Боспорские исследования*, 34, с. 112-223.

Кисьов, К. 2005. *Тракия и Гърция в древността*, 1: Могилни гробници от класическата епоха в община Калояново. Пловдив: Автоспектар.

Китов, Г. 2005. *Долината на тракийските владетели*. Варна: Славена.

Лапшо-Данилевский, А. С., Мальмберг, В. К. 1894. *Древности Южной России. Курган Карагодеуашх*. Санкт-Петербург. Материалы по археологии России, 13.

Манцевич, А. П. 1964. О пластине из кургана Карагодеуашх. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 6, с. 128-138.

Маразов, И. 2007. *Между Медузой и Гелиосом*. София: Национальный музей болгарской книги и полиграфии.

Мачинский, Д. А. 1978. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Лукоцин, В. Г. (ред.). *Культуры Востока. Древность и средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.

Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры*. Москва: Наука.

Савостина, Е. А. 1995. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа. *Историко-археологический альманах*, 1, с. 110-119.

Толстиков, В. П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея. В: Кузнецов, В. Д., Толстиков, В. П. (ред.). *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. Москва: ГМИИ, с. 69-83.

Трейстер, М. Ю. 2002. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н. э.). В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Материалы международной научной конференции «Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища»*, 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 180-186.

Шауб, И. Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: СПбУ.

Шауб, И. Ю. 2017. Боспорское жречество. *Боспорские исследования*, 34, с. 288-324.

Фелицын, Е. Д. 1886. Отчет о раскопках в Кубанской области. В: *Об археологических раскопках Е. Д.*

Фелицина в Кубанской области. Научный архив ИИМК РАН, ф. 1, 16/1886.

Andronicos, M. 1984. *Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City*, Athens: Ekdotike Athenon.

Kiyashkina, P., Bozkova, A., Marvakov, T., Ushev, D., Delev, P., 2012. *A Guide to the Collections of the Archaeological Museum of Nessebar*. Plovdiv: Vessela Publishers.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians*. Leiden, New-York, Köln: E. J. Brill.

Rabadjiev, K. 2016. The Thracian Tomb as Ritual Space of Beyond. In: Henry, Ol., Kelp, Ut. (eds.). *Thumululus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC*. Berlin, Boston: De Gruyter, 1, p. 281-312.

Rousseva, M., 2000. *Thracian Cult Architecture in Bulgaria*. Jambol: Ja.

Valeva, Ju. 1999. Les decors Thraces et le style a zones (IVe—IIIe siecle av. J.-C.). *Проблеми на изкуството*, 4, p. 69-75.

Ustinova, Ju. 1999. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom*. Leiden, Boston, Köln: E. J. Brill.

REFERENCES

Alekseev, A. Ju. 2003. *Khronografija Evropeiskoi Skifii*, Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh.

Artamonov, M. I. 1961. Antropomorfnye bozhestva v religii skifov. *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2, s. 57-87.

Bessonova, S. S. 1982. O skifskikh povozkakh. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepony Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 102-117.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavlenia skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Blavatsky, V. D. 1964. Vozdeistvie antichnoy kultury na strany Severnogo Prichernomorja (IV v. do n. e. — III v. n. e.). *Sovetskaya arkheologia*, 4, s. 25-35.

Vakhtina, M. Ju. 2009. O kompozicii na zolotoi treugolnoi plastine iz zhenskogo pogrebeniya kurgana Karagodeuashkh. In: Marchenko, I. I. (ed.) *Materialy V Kubanskoj arkheologicheskoy konferencii. Tezisy i doklady*. Krasnodar, s. 39-43.

Valeva, Ju. 2013. *Typologia na Trakeiskite monumentalny gradeny grobnitzy (V—III v. pr. n. e.)*. Sofia: Mars-09.

Vinogradov, Ju. A. 1993. O ritonakh kurgana Karagodeuashkh. *Peterburgskij arkheologicheskij vestnik*, 6, s. 66-71.

Vinogradov, Ju. A. 2017. Kul'tura bosporskoj elity pri Spartokidakh. *Bosporskie issledovania*, 34, s. 112-223.

Kisiev, K. 2005. *Trakia i Grecia v drevnostata*, 1: Mogil'ni grobnitzy ot klasicheskata epokha v obschina Kalojanovo. Plovdiv: Avtospektar.

Kitov, G. 2005. *Dolinata na trakiskite vladeteli*. Varna: Slavena.

Lappo-Danilevsky, A. S., Mal'mberg, V. K. 1894. *Drevnosti Juzhnoy Rossii. Kurgan Karagodeuashkh*. Sankt-Peterburg. Materialy po arkheologii Rossii, 13.

Mantzevitch, A. P. 1964. O plastine iz kurgana Karagodeuashkh. *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 6, s. 128-138.

Marazov, I. 2007. *Mezhdru Meduzoi I Geliosom*, Sofia: Natsionalnyi muzei bolgarskoj knigi i poligrafii.

Machinsky, D. A. 1978. Pektoral iz Tolstoi Mogily i velikie zhenskie bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kul'tury Vostoka. Drevnost i srednevekovie*. Leningrad: Avrora, s. 131-150.

Raevsky, D. S. 1985. *Model' mira skifskoi kul'tury*, Moskva: Nauka.

Savostina, E. A. 1995. Tema nadgrobnoi stely iz Trekhbratnego kurgana v kontekste antichnogo mifa. *Istoriko-arkheologicheskij al'manakh*, 1, s. 110-119.

Tolstikov, V. P. 2017. Oчерк gradostroitelnoi istorii zentralnogo raiona Pantikapeia. In: Kuznetsov, V. D., Tolstikov, V. P. (ed.). *Pantikapei i Fanagoria. Dve stolitzy Bosporskogo tzarstva*. Moskva: GMI, s. 69-83.

Treister, M. Ju. 2002. Metallicheskie sosudy iz Selenskogo kurgana i nekotorye nakhodki iz Karagodeuashkh (k voprosu o kontaktakh Severnoi Grecii i Bospora vo vtoroi polovine IV v. do n. e. In: Zuev, V. Ju. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii Bosporskij fenomen: pogrebal'nye pamiatniki i sviatilischa*, 2. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh, s. 180-186.

Shaub, I. Ju. 2007. *Mif, kult i ritual v Severnom Prichernomorje (VII—IV vv. do n. e.)*. Sankt-Peterburg: SPbU.

Shaub, I. Ju. 2017. Bosporskoe zhrechestvo. *Bosporskie issledovania*, 34, s. 288-324.

Felitzin, E. D. 1886. Otchet o raskopkakh v Kubanskoj oblasti. In: *Ob arkheologicheskikh raskopkakh E. D. Felitzina v Kubanskoj oblasti*. Nauchnyi arkhiv IIMK RAN, f. 1, 16/1886.

Andronicos, M. 1984. *Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City*, Athens: Ekdotike Athenon.

Kiyashkina, P., Bozkova, A., Marvakov, T., Ushev, D., Delev, P., 2012. *A Guide to the Collections of the Archaeological Museum of Nessebar*. Plovdiv: Vessela Publishers.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians*. Leiden, New-York, Köln: E. J. Brill.

Rabadjiev, K. 2016. The Thracian Tomb as Ritual Space of Beyond. In: Henry, Ol., Kelp, Ut. (eds.). *Thumululus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC*. Berlin; Boston: De Gruyter, 1, p. 281-312.

Rousseva, M., 2000. *Thracian Cult Architecture in Bulgaria*. Jambol: Ja.

Valeva, Ju. 1999. Les decors Thraces et le style a zones (IVe—IIIe siecle av. J.-C.). *Problemi na iskuството*, 4, s. 69-75.

Ustinova, Ju. 1999. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom*. Leiden, Boston, Köln: E. J. Brill.

M. Ju. Vakhtina

ON THE CONSTRUCTION OF THE STONE VAULT OF KARAGODEUASHKH MOUND

The article deals with the planning of the stone vault in Karagodeuashkh mound, excavated by E. F. Felitzin in 1888 in Kuban' area. The mound contained «rich» burials of the representatives of sindae-maeotian aristocracy and dated to 330—315 BC. The construction of Karagodeuashkh vault shows parallels to enfilade crypts which were wide spread during that time at the territory of ancient Thracia. The finds of metal objects in the inventory of the burial complexes testify to contacts with Thracia and Northern Greece. The materials of Karagodeuashkh mound seem to be important for the examining of cultural contacts of Bosporan kingdom and its Hellenized barbarian periphery in the last third of the 4th century BC. The analysis of the burial goods and construction of the mound is also of great importance for the study of the ideology of the local tribes of Kuban region.

Keywords: Karagodeuashkh mound, vault, burial inventory, Greeks, barbarians, cultural contacts.

Одержано 1.02.2018

ВАХТИНА Марина Юріївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут історії матеріальної культури РАН, Двірцева наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Росія, admin@archeo.ru.

ВАХТИНА Marina Jurievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortzovaya nab. 18, Saint-Petersburg, 191186, Russia, admin@archeo.ru.